

КЛАССИКА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ ЖИЗНИ РОМАНОВЫХ

Классика в иллюстрациях

**Занимательные истории
из жизни Романовых**

«Просвещение»

2012

Занимательные истории из жизни Романовых / «Просвещение»,
2012 — (Классика в иллюстрациях)

В 2013 году отмечается юбилей Дома Романовых – династии русских монархов, правивших Россией четыре столетия. Между двумя событиями – торжественным обрядом призвания на царство Михаила Романова в 1613 году и отречением от престола последнего императора Николая II в 1917-м – четыре века русской истории, начиная с тяжелейшего периода восстановления растерзанной междоусобицами и внешними врагами страны до превращения России в мировую державу. Забавные короткие рассказы из жизни самодержцев, в точности передающие атмосферу эпохи и сообщающие драгоценные детали – позволяют взглянуть на царских особ и их окружение с непривычной перспективы, лучше узнать и понять их, а значит – лучше узнать и понять историю России, неотделимую от жизни ее монархов. В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

, 2012

© Просвещение, 2012

Содержание

От составителя	8
Михаил Федорович	11
Алексей Михайлович	15
Петр I Алексеевич	16
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Занимательные истории из жизни Романовых

Автор-составитель Давтян А. О

400-летию Дома Романовых посвящается

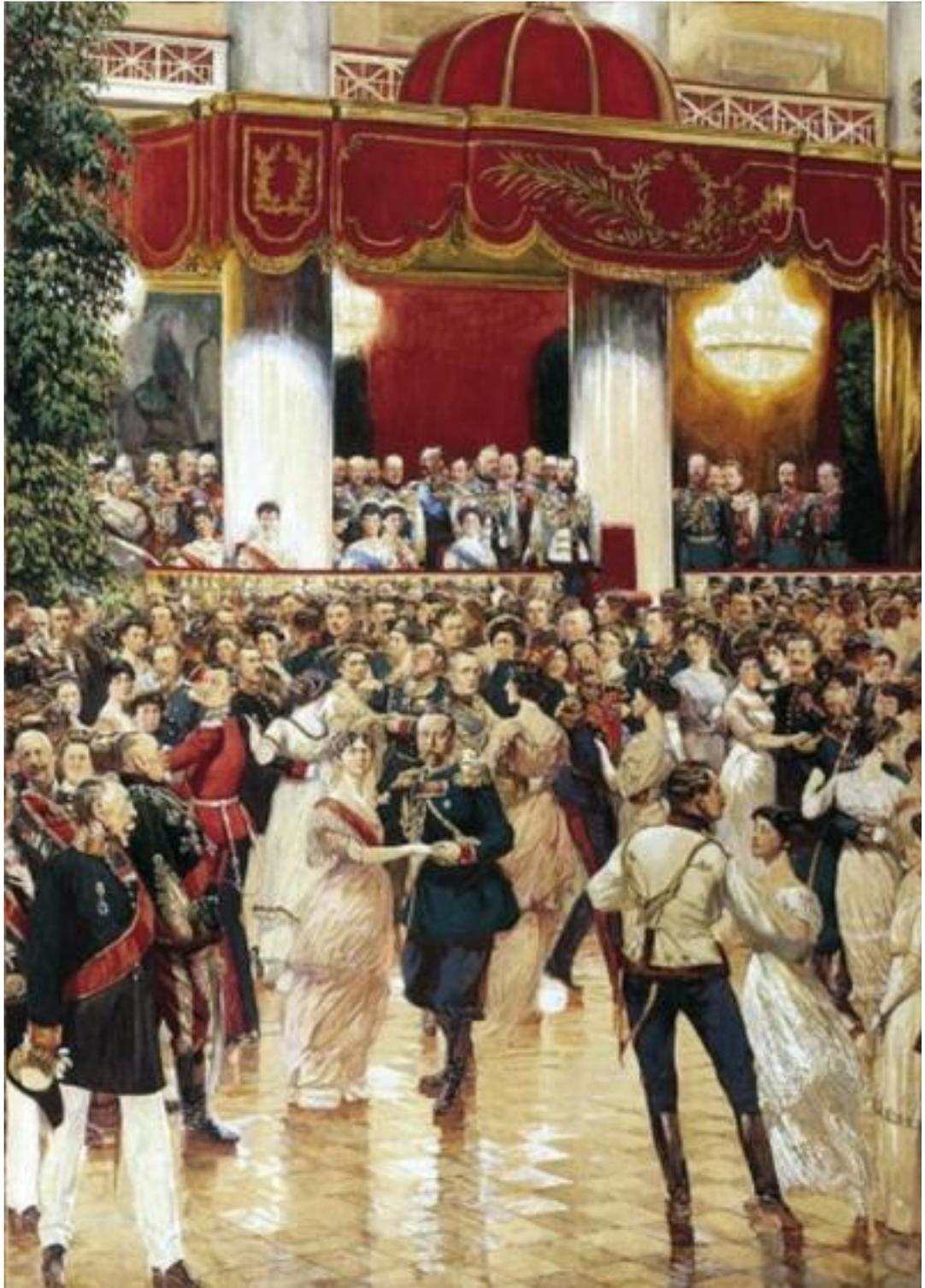
© Давтян А. О., 2012

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Бегров К. П. Вид на арку Главного штаба со стороны Дворцовой площади (фрагмент)

Кардовский Д. Н. Бал в Петербургском Дворянском собрании 23 февраля 1913 года (фрагмент)

От составителя

В 2013 году отмечается юбилей Дома Романовых – династии русских монархов, правивших Россией четыре столетия. Первый представитель династии вступил на русский престол в критический для государства момент. В стране бушевала Великая Смута – глубочайший династический, экономический и социальный кризис, когда, казалось, русская государственность была обречена на полное уничтожение. В этих страшных условиях народ услышал голос предстоятеля Русской Православной Церкви Святого Патриарха Гермогена, призывающего русских патриотов к сплочению, противостоянию зачинщикам Смуты и к освободительной борьбе против интервентов. Осенью 1611 года в Нижнем Новгороде гражданин Козьма Минин и князь Дмитрий Пожарский начали собирать Второе Ополчение. Из Новгорода ополченцы отправились в освободительный поход по русской земле, 3 ноября (по новому стилю) вступив в решительный бой с оккупантами и освободив Китай-Город, а 7 ноября взяв Московский Кремль.

1 февраля (14 февраля по н. ст.) 1613 года открылся Великий Собор, участниками которого стали все «Московского Государства изо всех городов Российского Царства власти: митрополиты, епископы и архимандриты, игумены, протопопы и весь освященный Собор, бояре и окольные, чашники и стольники и стряпчие, думные и дьяки и жильцы, дворяне большие и дворяне из городов, дьяки из приказов, головы стрелецкие и атаманы казачьи, стрельцы и казаки, торговые и посадские и великих чинов всякие служилые и жилецкие люди, и из всех городов, всего Российского Царства выборные люди». Собор избрал на русский престол ближайшего законного наследника Рюриковичей – Михаила Феодоровича Романова, сына плененного поляками митрополита Ростовского Филарета, приходившегося двоюродным братом последнего царя первой Русской Династии Феодора I Иоанновича. «Послал Господь Бог Свой Святой Дух в сердца всех Православных Христиан, яко едиными усты вопияху, что быти на Владимирском и Московском и на всех Государствах Российского Царства, Государем, Царем и Великим Князем всея Руси самодержцем, Тебе, Великому Государю Михаилу Феодоровичу», – провозглашалось в Грамоте, принятой Великим Московским Собором 21 февраля 1613 года (6 марта по н. ст.).

Правление династии Романовых закончилось ночью 2 марта 1917 года на станции Дно близ Пскова. Здесь, в вагоне императорского поезда Николай II подписал акт отречения от престола в пользу великого князя Михаила, отказавшегося принять корону. «В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думою признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть», – говорилось в царском Манифесте. «Кругом измена, и трусость, и обман», – записал тогда государь в своем дневнике, оказавшись, по словам императрицы Александры Федоровны, «в западне». Трагический эпилог разыгрался в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в подвале дома Ипатьева, где по решению новых властей была расстреляна царская семья и прислуга.

Между этими двумя событиями – торжественным обрядом призвания на царство Михаила Романова в Свято-Троицком соборе Ипатьевского монастыря и убийством «гражданина Романова» в Ипатьевском доме – четыре века русской истории, начиная с тяжелейшего периода восстановления растерзанной междоусобицами и внешними врагами страны до превращения России в империю с громадной территорией и, наконец, в мировую державу, занимавшую более одной шестой части поверхности Земли. Эта территория к тому же активно заселялась: по данным всероссийской переписи 1897 года, в Российской империи проживало тогда более 125 миллионов человек, причем за время правления последнего императора население увеличилось в 1,5 раза. В этот период Россия стала страной с эффективной экономикой, активно разви-

вающейся промышленностью, устойчивой конвертируемой валютой, внушительным золотым запасом, вышла на первое место в мире по производству основных сельскохозяйственных культур. Внутривнутриполитическая ситуация в государстве, к сожалению, была весьма далека от стабильной и быстро развивалась в революционном направлении. Эпоха от преодоления Смуты XVII века до начала нового, не менее опасного национального катаклизма века XX – было временем правления яркой плеяды российских монархов, по собственному самодержавному усмотрению, в меру своих возможностей и способностей и с разным успехом служивших Отечеству. Историки дают часто совершенно противоположные оценки их трудам, по-разному характеризуют их личности. Причем, чем ярче эти личности, тем противоречивее данные оценки.

Чтобы попытаться составить собственное и непредвзятое мнение об исторических событиях и роли в них государственных лидеров, можно обратиться к научным трудам, архивным материалам, к исторической беллетристике, наконец, к соответствующей теле- и кинопродукции. При этом любознательный читатель наверняка не пройдет мимо особого литературного жанра – исторического анекдота, который великий Державин определял так: «Некоторый особенный род истории суть анекдоты. В них собираются любопытные и достойные примечания дела, дабы их разобрать философски и политически. В них может вдаваться автор в глубокие размышления, кои означают дарования его». Жанр этот очень древний: дошедший до нас древнеегипетский анекдот был записан примерно 1600 лет до нашей эры и посвящен тогдашнему монарху – некоему женолюбивому фараону.

Известно время появления самого термина «анекдот». Греческим словом «anekdotos», что дословно означает «неизданное», «не подлежащее огласке», в византийском энциклопедическом словаре X века было названо сочинение известного историка Прокопия Кесарийского под названием «Тайная история», написанное им в 550-х годах н. э., в котором автор безжалостно разоблачает порядки, царящие при дворе византийского императора Юстиниана I, приводя откровенные подробности из жизни его жены Феодоры и ближайшего окружения правителя. Образцовыми историческими анекдотами считаются трактаты позднеантичного историка Диогена Лаэртского, знаменитые сочинения александрийского филолога IV века Гиерокла или «Книга занятных историй» сирийского писателя и ученого-энциклопедиста Абуль-Фараджа.

Жанр активно развивался в Европе XII века и стал необыкновенно популярным в эпоху Возрождения. Вольтер говорил об исторических анекдотах так: «...это узкая полоска, где подбирают остатки колосков после обильной жатвы истории; это маленькие подробности, которые долго оставались скрытыми, откуда и происходит название „анекдоты“; они интересуют публику, когда касаются знаменитых персонажей».

Примерно в XVII веке анекдот пришел в Россию, став особенно популярным во второй половине XVIII века, когда появились сборники Петра Семенова («Товарищ разумный и замысловатый или собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древнего и нынешнего веков»), Николая Курганова («Краткие замысловатые повести»), Якоба фон Штелина («Любопытные и достопамятные сказания о Императоре Петре Великом, изображающие истинное свойство сего премудрого Государя и отца Отечества, собранные в течение сорока лет»). В последующие столетия исторические анекдоты о русских монархах и государственных деятелях издавались регулярно. Успех имел «Словарь достопамятных людей Русской Земли» историка Д. И. Бантыш-Каменского и «Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей» известного собирателя древностей П. Ф. Карабанова. Во второй половине XIX века в Москве и Петербурге стали выходить ежемесячные исторические журналы «Русский архив» и «Русская старина», также имевшие широкую читательскую аудиторию.

«Дней минувших анекдоты» интересовали не только любителей легких жанров, которые, как пушкинский Онегин, «рыться не имели охоты в хронологической пыли»; они были пред-

метод научных исследований таких крупных ученых, как С. С. Аверинцев, Л. П. Гроссман, Ю. М. Лотман, Л. Н. Столович, В. Б. Шкловский.

Забавные короткие рассказы из жизни самодержцев – не всегда совершенно достоверные, но верно передающие атмосферу эпохи и сообщающие драгоценные детали – позволяют сократить дистанцию между нами и основными историческими персонажами, взглянуть на них с непривычной перспективы, лучше узнать и понять их, а значит – лучше узнать и понять монархический период истории России, неотделимый от биографии ее монархов.

Скоро будет отмечаться 400-летие преодоления смуты и восстановления российской государственности. В Обращении Главы Дома Романовых, великой княгини Марии Владимировны к соотечественникам по этому поводу говорится:

«Нам необходимо глубоко проникнуться мыслью, что мы празднуем 400-летие подвига нашего великого многострадального Народа. В первую и главную очередь – это не чествование династии, иерархов, военачальников, дипломатов и аристократов, сколь бы ни был весом их вклад в общенациональную борьбу, но прославление мужества, самопожертвования и любви простых людей – крестьян, горожан, монахов, служилых дворян и казаков, с Божией помощью освободивших и возродивших нашу страну».

Надеемся, что наш сборник занимательных исторических рассказов привлечет читателей к изучению славных и трагических событий истории России, ее правителей и ее народа.

Михаил Федорович (1596–1645) царствовал с 1613 г

Смутное время на Руси закончилось с воцарением первого царя из рода Романовых (и вновь началось после гибели последнего). В 1613 году Земским собором – выборными людьми из пятидесяти русских городов – на царствие был избран Михаил Федорович Романов, сын Патриарха Филарета. Согласно легенде, эту кандидатуру предложили неизвестный дворянин из Галича, какой-то донской казак, а также представители городов, пришедшие к келарю Троице-Сергиевой лавры Авраамию Палицыну с просьбой передать их мнение Земскому собору.

«Выберем Мишу Романова, он молод и нам будет поваден», – говорили бояре, рассчитывая на то, что легко смогут управлять молодым государем.

* * *

После избрания Михаила Федоровича на московский престол делегация избирателей направилась в Кострому, где избранный царь проживал со своей матерью, инокиней Марфой. Там делегация встретила решительный отказ матери нового правителя: «Люди московские измалодушествовались, думают только о себе, и править ими шестнадцатилетнему дитяти невозможно», – заявила она. Однако вскоре вопрос был улажен, и юный Михаил Федорович отбыл с матушкой в Москву.

Борель. П. Ф. Михаил Федорович Романов

* * *

Михаил Федорович принял страну в жалком состоянии. Голландец Исаак Маас писал: «Надеюсь, что Бог откроет глаза юному царю, как то было с прежним царем Иваном Васильевичем; ибо такой царь нужен России, иначе она пропадет; народ этот благоденствует только под дланью своего владыки, и только в рабстве он богат и счастлив». На упрек другого иностранца в том, что новый царь не спешит наводить в государстве порядок, государь отвечал: «Вы разве

не знаете, что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают только охотиться с летами».

* * *

Когда Михаилу Федоровичу исполнилось 20 лет, пришло ему время жениться. На роль супруги государя претендовало много девиц из знатных родов. Но Михаил выбрал себе в жены подругу детства Марию (которая стала называться Анастасией), дочь незнатного дворянина Ивана Хлопова. Такое возвышение Хлоповых не понравилось тогдашней элите. Решено было расстроить свадьбу. Недруги воспользовались тем, что Анастасия очень любила сладкое. Однажды, будучи уже женой и невестой, Анастасия и Михаил Федорович поехали на гулянье в село Покровское. Царь захватил с собой красивый расписной ларец с сахарными леденцами и заедками. Анастасия съела почти все содержимое ларца, не догадываясь, что некоторые заедки и леденцы были отравлены подкупленными слугами. Ночью ей стало плохо. По дворцу поползли слухи, что у невесты «черная немочь». По этому случаю был созван Собор, но не земский, а состоявший из одних бояр. Как и ожидалось, бояре вынесли приговор: «невеста к царской радости непрочна», и свадьбу отменили.

* * *

Вторая невеста Михаила Федоровича, княжна Мария Владимировна, пробыла женой царя недолго – она умерла спустя пять месяцев после свадьбы. Следующий раз Михаил Федорович женился в 1626 году. В жены он выбрал бедную дворянку – Евдокию Лукьяновну Стрешневу, которая понравилась царю «красотой, обходительностью и кротким нравом». Мать пыталась отговорить сына от брака с незнатной девушкой. Но царь Михаил, обычно зависимый от мнения матери, на этот раз настоял на своем. При этом государь ссылался не только на возникшее у него чувство, но и «на свой христианский долг помочь благородной не по крови, а по существу девице покинуть дом притеснявших ее родственников». Когда бояре приехали к отцу невесты объявить о великой чести, то застали будущего царского тестя за сохой – он был так беден, что должен был сам пахать землю. Переехав в Москву, Стрешнев повесил на стену в новых палатах свою старую одежду, чтобы не возгордиться.

* * *

Когда дочери царя Ирине в 1640 году исполнилось тринадцать лет, царь Михаил решил, что ее пора выдавать замуж. Для повышения статуса рода Романовых царь захотел выдать свою дочь за какого-нибудь иностранного принца. Было отправлено посольство в Данию, где имелся подходящий кандидат – принц Вальдемар. Королевич согласился приехать в Московию при условии сохранения его протестантской веры, а также выполнения еще ряда материальных условий. Все шло хорошо, готовилась свадьба, Вальдемар восседал за столом с русским монархом. Но прошло две недели, и царь, пригласив королевича к себе, объявил жениху: «Король, твой отец, велел тебе быть у меня в послушании; мне угодно, чтобы ты принял православную веру». Королевич отказался, несмотря на все угрозы и обещания. Королевича продержали под домашним арестом четыре года. И только после смерти царя Михаила его приемник Алексей Михайлович разрешил несостоявшемуся супругу царской дочери вернуться домой.

* * *

Заботы о государстве, жестокая борьба с ее внешними и внутренними врагами подорвали здоровье Михаила Федоровича. Весной 1645 года он серьезно заболел. Доктора поставили диагноз: «желудок, печень и селезенка бессильны от многого сидения, холодных напитков и меланхолии». На всеобщей по случаю дня св. Михаила, в именины царя 12 июля 1645 года с ним случился припадок, и его отнесли во дворец. Поскольку болезнь усиливалась, Михаил приказал позвать жену и сына Алексея, а также патриарха. Царь простился с женой, благословил сына на царство, поговорил с боярами и патриархом и скончался «яко неким сладким сном усне».

Алексей Михайлович (1629–1676) царствовал с 1645 г

Овдовев, царь Алексей Михайлович искал новую жену. Ему приглянулась Наталья Кирилловна Нарышкина, бедная родственница, которую приютил глава Посольского приказа Артамон Матвеев. Узнав о царской воле, опытный чиновник Матвеев опечалился, зная, что такое возвышение сулит ему многие беды: у него и так хватало недругов, а теперь их появится еще больше. Он поблагодарил царя за великую честь, но не испугался поделиться своими опасениями. Алексей Михайлович понял тревогу будущего тестя и предложил пойти на хитрость. Он объявил боярам, что решил жениться, и велел привести на смотрины пятьдесят девиц из знатных семей. Как и было задумано, «конкурс» невест выиграла Наталья Кирилловна.

* * *

Алексей Михайлович – автор выражения «делу время, потехе час». Известно даже точное время появления этого афоризма – 1656 год, когда по приказу царя была составлена книга с правилами соколиной охоты. В конце книги Алексей Михайлович – страстный любитель этой забавы, – приписал: «Правды же и суда и милостивые любви и ратного строя не забывайте: делу время и потехе час».

* * *

По распоряжению Алексея Михайловича в Коломенском, возле царского дворца, был сооружен специальный ящик продолговатой формы, куда любой человек мог опустить свою жалобу. Этот способ связи с дворцом был не очень эффективным: жалоб было много, и разбирательство по ним затягивалось надолго. Отсюда возникла поговорка: «Положить дело в долгий ящик».

* * *

Однажды Алексей Михайлович отправил боярина с поручением к королю одной европейской державы. Оказалось, что король болен и не может принять московского посланника. Так прошел день, неделя, другая... Ответ все тот же: «Болен, принять не может». Потеряв терпение, боярин объявил, что уезжает в Москву, где доложит царю, как его приняли. Из королевского дворца последовал ответ, что король примет посланника, но по причине болезни монарх останется в постели.

– Хорошо, – ответил боярин, – но тогда поставьте и мне кровать рядом, потому как мне, посланнику русского царя, не подобает быть на ногах, когда король лежит.

Петр I Алексеевич (1672–1725) царствовал с 1682 г

В числе дворян, отправленных Петром за границу обучаться морским наукам, был некто Спафириев, за которым неотступно следовал дядька-калмык, человек умный и способный.

В Петербурге, по возвращении, был устроен экзамен. Спафириев почти ни на один вопрос не ответил, а что и знал – только по подсказкам дядьки, стоявшего за спиной.

Петр заметил все это и подозвал к себе калмыка.

– Зачем ты здесь?

– Да вот, чтобы помочь своему господину, если тот ошибется.

– Да разве ты что разумеешь?

Тот ответил, каким образом он узнал науки. Царь проэкзаменовал его и остался доволен. И тут же записал дядьку-калмыка мичманом во флот. Барина же под его команду простым матросом.

* * *

Петр I долго и упорно боролся с раскольниками и в конце концов пришел к выводу, что никаким образом нельзя примирить их с господствующей церковью. Тогда он распорядился, чтоб раскольники носили на спине своих армяков и кафтанов двухцветный продолговатый четырехугольник из красного и желтого сукна. Он надеялся, что такая мера сломит все же их упорство. Но этого не случилось: раскольники безропотно носили свой красно-желтый знак, но от веры праотцев не отступали. Через несколько лет после этого Петр встретил на Петербургской бирже среди русских и иноземных негоциантов несколько купцов с красно-желтым четырехугольником.

– Что эти раскольники, честные люди или нет? – спросил Петр у нескольких знакомых ему купцов.

– Честные, государь, – отвечали все как один.

– Можно им верить?

– Можно, государь.

– Хорошо, – заключил Петр. – Если они таковы, то пусть веруют, во что хотят. И если их нельзя отвлечь от суеверия рассудком, то, конечно, здесь ни огонь, ни меч помочь не в силах, а мучениками за глупость они быть не заслуживают, да и государству от того не будет никакой пользы.

* * *

В царствование Петра Великого трое подрядчиков объявили свои условия строительства Адмиралтейств-коллегии. Один предложил услуги за гривенник с рубля, второй – за пятак, а третий объявил, что будет трудиться бесплатно, из усердия и ревности к государю. Узнав об этом, Петр учинил резолюцию: «Отдать подряд тому, кто требует за труды по гривне с рубля. Другому отказать, понеже пяти копеек ради не из чего трудиться, а третьего, аки плута, отдать на два месяца на галеру, сказав ему, что государь побогаче его».

Питер ван дер Верф. Портрет Петра I

* * *

Однажды Петру I донесли, что в Москве живет очень ловкий стряпчий, прекрасно знающий все законы и даже дающий за деньги советы московским судьям в особо трудных случаях. Петр решил с ним познакомиться, и тот так ему понравился, что царь назначил его судьей в Новгород. Отправляя на место службы нового судью, Петр сказал, что верит в него и надеется, что он будет справедливо судить и ничем себя не запятнает. А между тем вскоре дошло до

царя, что его ставленник берет взятки и решает дела в пользу тех, кто подносит ему подарки и деньги. Петр произвел строгую проверку, убедился в виновности судьи и только после этого призвал его к себе.

– Что за причина, что ты нарушил данное мне слово и стал взяточником? – спросил он судью.

– Мне не хватало твоего жалованья, государь, – ответил судья. – И я, чтобы не залезать в долги, стал брать взятки.

– Так сколько же тебе нужно, чтоб ты оставался честным и неподкупным судьей? – спросил Петр.

– По крайней мере вдвое против того, сколько получаю я теперь.

– Хорошо, – сказал царь, – я прощаю тебя. Ты будешь получать втрое против нынешнего, но если я узнаю, что ты принял за старое, то я тебя повешу.

Судья вернулся в Новгород и несколько лет не брал ни копейки, а потом решил, что царь уже обо всем забыл, и по-прежнему стал брать подношения. Узнав о его новых прегрешениях, Петр призвал виновного к себе, избил в содеянном и сказал:

– Если ты не сдержал данного мне, твоему государю, слова, то я сдержу свое. – И приказал судью повесить.

* * *

После подавления стрелецкого бунта 1698 года одна из женщин, у которой в бунте принимали участие три ее сына и все трое были схвачены, умоляла Петра оставить им жизнь. Петр отказал ей, так как вина их была доказана, а преступления, ими совершенные, карались смертью. И все же несчастная мать вымолила у царя жизнь одного из трех – самого младшего. Царь разрешил ей попроситься с двумя приговоренными к смерти и забрать из тюрьмы младшего. Мать долго прощалась с сыновьями и, наконец, вышла с помилованным сыном на волю. И когда они уже прошли ворота тюрьмы, ее сын вдруг упал и, ударившись головой о большой камень, умер мгновенно. Петру донесли о случившемся, и он был настолько сильно поражен этим, что впоследствии очень редко миловал преступников, если их вина была достаточна и очевидна.

* * *

Петр I, заседаая однажды в Сенате и выслушав множество дел о недавно учиненных кражах и мздоимстве, распалился гневом и велел Павлу Ивановичу Ягужинскому немедленно составить указ, что если на украденные деньги можно будет купить веревку, то вора без дальнейшего следствия должно будет тотчас же повесить. Ягужинский взялся было за перо, а потом отложил его в сторону.

– Пиши, что я тебе приказал, – повторил царь.

Тогда Ягужинский сказал Петру:

– Всемилостивейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором без подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой.

Царь, погруженный в свои мысли, рассмеялся и замолчал.

* * *

Петр Великий очень заботился о развитии в Петербурге промышленности. Однажды он пришел домой к московскому купцу Сорокину, который задумал строительство новой суконной фабрики.

Хозяева, неожиданно увидев на пороге столь высокого гостя, засуетились. Царя усадили за стол, жена поднесла ему анисовки.

Петр Алексеевич пожелал хозяевам здоровья и выпил.

– А что, Сорокин, кажется, твоя жена беременна? – заметил государь.

– Есть маленечко, ваше величество.

– Ну, если Бог благословит, возьми меня кумом.

– Очень рад, государь, – обрадовался купец.

Спустя некоторое время Сорокин явился к Петру, доложил о рождении сына и просил назавтра прийти крестить новорожденного.

– Хорошо, буду непременно, – пообещал царь.

На другой день, как договорились, Петр приехал к Сорокину с Меншиковым.

– Ну, кум, – сказал царь, – не задержи меня!

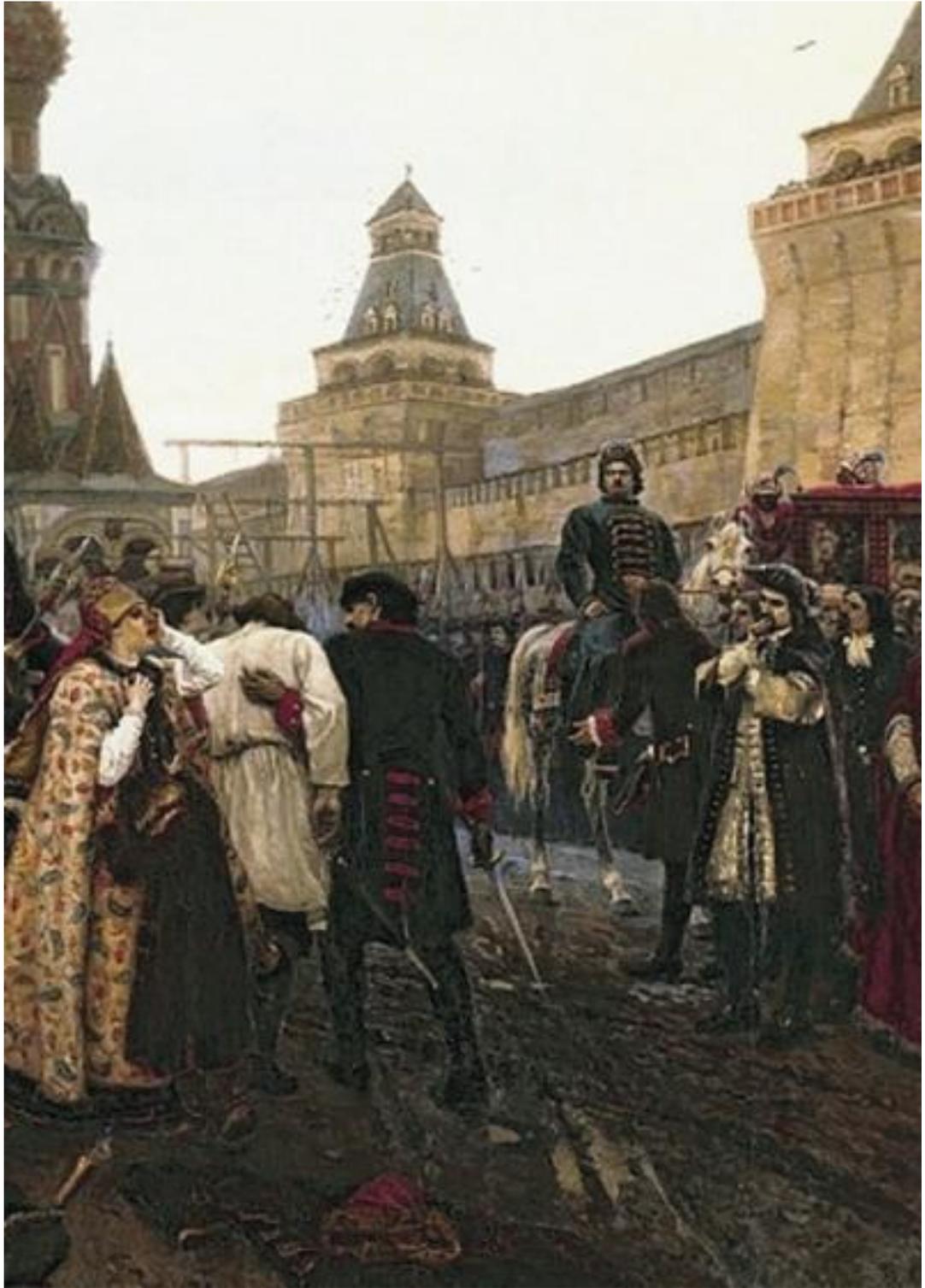
– Все готово, ваше величество, – ответил расстроенный купец, – вот только попа нет: посылал, говорят, нет дома.

Государь, страшно рассердившись, уехал, велел передать нерадивому попу быть у него назавтра с объяснениями.

Поп, узнав, что его зовет царь, ужасно струсил. Но делать нечего, пришлось идти.

– Ты отчего не явился к Сорокину крестить ребенка? – спросил царь грозно.

– Приболел, ваше величество, – отвечал чуть живой от страха батюшка.

Суриков В. И. Утро стрелецкой казни (фрагмент)

– Врешь! – вскричал Петр громовым голосом. – Меншиков, отправить его в Соловки!
Напиши об этом патриарху!

Поп упал на колени.

– Ваше величество, помилуйте: жена, дети!

– А! Помилуйте – жена, дети – то-то! Ну, слушай: ступай домой и в следующее воскресенье приди и отгадай мне три загадки: сколько верст от земли и до неба, чего я стою и что думаю? Не отгадаешь, помилования не жди, отгадаешь – прощу!

Ушел батюшка опечаленный. Всех спрашивал загадки – никто ничего не смог придумал. Наконец, поп обратился к своему брату, дьякону Калистрату. Тот подумал немного и сказал:

– Послушай, брат, когда тебе идти к царю?

– В воскресенье, сегодня.

– В какой рясе ты был у царя?

– В новой голубой, атласной.

– Давай ее, я пойду к царю вместо тебя, мы же похожи, Бог даст, царь не различит.

И отправился дьякон к царю.

– Ну что, – спрашивает Петр, – отгадал?

– Точно так, ваше величество.

– Ну, так сколько верст от земли до неба?

– 240 000 миллионов верст.

– Врешь!

– Никак нет: велите поверить.

– Ну, хорошо. Велю. А чего я стою?

– 29 сребреников.

– Так мало?!

– Больше не стойте, ваше величество. Спаситель, Царь небесный, был продан за 30 сребреников, а вы, царь земной, одним сребреником менее.

– Молодец, верно, – сказал Петр, смеясь. – А теперь отгадай, что я думаю?

– Отгадаю. Вы думаете, что я поп Семен, а я дьякон Калистрат, его родной брат!

Государь расхохотался.

– Ай, молодец, Калистратушка! Меншиков, пиши владыке, что я прошу его сейчас же посвятить Калистрата во священники и назначить в дворцовую церковь.

* * *

Однажды Петр Великий, интересуясь общественным мнением о новой столице, спросил своего шута Балакирева, что говорят в народе о Петербурге.

– Говорят, царь-батюшка так: с одной стороны – море, с другой – горе, с третьей – мох, а с четвертой – ох! – отвечал любимый царский шут.

* * *

В 1694 году Петр I плыл из Архангельска на небольшом корабле, кормщиком которого был крестьянин Нюхонской волости Антип Панов. Вдруг налетела сильнейшая буря. Все, кто был на корабле, в том числе и бывалые моряки-иностранцы, отчаялись спастись и стали молиться, ожидая неминуемой гибели. Только царь, которому в ту пору было 22 года, и крестьянин-кормщик не испугались. Панов, перекрикивая вой бури, отдавал команды. Петр принялся было с ним спорить, но мужик твердо сказал царю:

– Поди прочь, государь! Я лучше тебя знаю, куда править!

В конце концов Панов сумел завести корабль в губу, называемую Унские рога, и пристал к берегу возле Петромынского монастыря. Когда опасность миновала, Петр подошел к нему и, поцеловав, поблагодарил за спасение. А сам велел подать себе сухую одежду, а все, что снял с себя, подарил Панову и, сверх того, назначил кормщику пожизненную годовую пенсию.

* * *

Молодому недорослю-дворянину долго удавалось избегать службы, и вот, наконец, его взяли в солдаты – рядовым в Ингерманландский пехотный полк. Там он оказался подчиненным бывшего своего крепостного, попавшего на службу раньше его и уже дослужившегося до сержанта. Бывшему барину казалось «не по чину» подчиняться своему бывшему мужику. Сержант какое-то время терпел это неповиновение, но когда молодой солдат не явился в строй, побил его палкой. Дворянин написал слезное письмо домой и просил мать защитить его от произвола сержанта. Мать немедля приехала в Петербург и подала Петру жалобу на своего крепостного Ваньку, который побил ее сына.

Петр велел доставить к нему всех: и солдата, и сержанта, и жалобщицу.

– За что ты бил сына сей старухи? – грозно спросил он сержанта.

– За непослушание, государь, – отвечал солдат, – я приказывал ему быть к ученью в четвертом часу, а он не пришел. Я велел привести его силой и наказал, как ослушника.

– А покажи-ка, как ты его бил, – попросил государь и велел дать Ваньке палку.

Сержант, не долго думая, еще несколько раз ударил дворянина, приговаривая: «Не ослушайся! Не ослушайся!»

– Царь-батюшка, да что же это! – заголосила мать.

А Петр Алексеевич ответил:

– Видишь, какой Ванька-то твой озорник, даже и при царе дерется и не унимается. Отойди-ка ты от него, дабы и тебе самой от него не досталось. И запомни: за непослушание везде бьют.

Натье Ж. Портрет Петра I

* * *

Петр I любил иногда переодеться в простое платье и гулять неузнанным по городу. Однажды во время такой прогулки зашел царь в кабаk. Видит: сидит за столом печальный и уже изрядно пьяный солдат.

- Что у тебя случилось, братец? – спрашивает царь, присаживаясь к солдату.
- Друг у меня помер, – отвечает солдат.

Пожалел его Петр и велел целовальнику подать две чарки водки – себе и солдату. Выпили они, и захотел солдат отблагодарить своего благодетеля. А так как деньги у него уже кончились, заложил он у кабатчика за два штофа водки свой казенный тесак. Увидел это государь и спрашивает:

– Что ж ты наделал? А ну как государев смотр, что тогда?

– Эта невидаль – царь! Да что его и надуть нельзя?

На том они и распрощались. А наутро царь приехал в тот полк, в котором служил его вчерашний сотрапезник. По приказу царя выстроили полк, и царь тут же узнал солдата. Подошел к нему Петр, посмотрел строго и приказал: «А ну, солдат, руби голову соседу слева!» Знал Петр, что рубить-то голову солдату будет нечем – тесак-то заложен в кабаке. Но солдат, оказывается, еще накануне вечером кое-как выстрогал себе для виду тесак из лучины.

– Ваше императорское величество! – взмолился солдат, – Не велите губить невинную душу!

– Руби, я тебе приказываю! – грозно повторил Петр.

– Делать нечего, выполняю царский приказ! – вздохнул солдат. – Только молю Царя Небесного помочь мне. Царь Небесный! Ты выше царя земного! Сотвори чудо! Не дай погибнуть невинной душе! Преврати железный тесак в деревянный! – воскликнул служака.

И с этими словами вытащил из ножен лучину. Петр рассмеялся и одарил солдата серебряным рублем.

* * *

Петр I души не чаял в своем шуте Балакиреве. Вельможи, напротив, недолюбливали и боялись его за острый язык. Однажды в ответ на колкое замечание Балакирева один из придворных пообещал его прибить. Шут тут же пожаловался государю на угрозу.

– Если он тебя убьет, я его велю повесить, – пообещал государь.

– Это хорошо, только мне бы хотелось, Алексеич, чтобы ты его повесил, пока я еще жив, – ответил шут.

* * *

Однажды Петр Великий так рассердился на шута Балакирева, что прогнал его совсем не только с глаз долой, но и вон из страны. Балакирев повинился и надолго пропал. И вдруг однажды Петр видит, что Балакирев с женою едет в своей одноколке мимо самых его окон. Государь рассердился за ослушание и, выскочив на крыльцо, закричал:

– Кто тебе позволил, негодяй, нарушать мой указ и опять показываться на моей земле?

Балакирев остановил лошадь и сказал:

– Ваше величество! Лошади мои ходят по вашей земле, не спорю, так как вы не лишали их отечества, а что касается меня с женой, то мы на своей земле.

– Это как так?

– Весьма просто и обыкновенно: извольте посмотреть, вот и свидетельство на покупку земли. – Балакирев при этом подал царю бумагу.

Государь увидел на дне одноколки с пуд земли, и, прочтя свидетельство на покупку шведского грунта, рассмеялся и простил своего шута.

* * *

Однажды заговорщики – несколько стрельцов и два офицера, Циклер и Соковнин, решили убить Петра I. Для исполнения своего замысла они, зная, что государь являлся на всякий пожар, сговорились поджечь два соседних дома в Москве и во время суматохи убить монарха. Назначили день, в определенное время собрались в доме Соковнина. Но два стрельца-заговорщика, почувствовав страх и угрызение совести, поспешили в Преображенское, где обыкновенно жил Петр Великий, и рассказали государю о заговоре. Петр Великий велел задержать доносителей и тотчас же написал записку к капитану Преображенского полка, Липунову, в которой приказал ему тайно собрать всю свою роту, в 11 часов вечера окружить дом Соковнина и захватить всех, кого он там застанет.

Каравак Л. Полтавская баталия (фрагмент)

Однако государь немного перепутал время: думая, что назначил операцию на 10 часов, сам в 11-м часу сел в одноколку с одним только денщиком, и отправился к дому Соковнина, где надеялся застать уже финал дела. Подъехав к месту, Петр понял, что никакого захвата не произошло, но менять планов не стал. Царь бесстрашно вошел в комнату, где сидели заговорщики, и сказал им, что, проезжая мимо и увидев в окнах свет, подумал, что у хозяина гости, и решил зайти, выпить чего-нибудь с ними. Царя пригласили за стол.

Государь сидел с заговорщиками уже довольно долго, про себя досадуя на капитана, который не исполнил его повеления. Наконец, император услышал, что один стрелец сказал на ухо Соковнину: «Не пора ли, брат?» Едва произнес он эти слова, как Петр вскочил со стула и, свалив Соковнина кулаком наземь, воскликнул: «Это мне пора, мошенник, а не тебе!». Не известно, чем кончилось бы дело, но в эту самую минуту, ровно в 11 часов, как и было условлено, капитан Липунов ворвался в помещение со своей ротой. Государь набросился было на капитана, но когда Липунов представил собственноручную царскую записку, государь сознался в своей ошибке, поцеловал капитана в лоб, назвал его честным и исправным офицером и отдал ему под стражу связанных заговорщиков.

* * *

После Полтавской победы Петр I пригласил пленных шведских офицеров к своему столу и, подняв бокал, сказал: – Пью за здоровье моих учителей в военном искусстве!

Шведский фельдмаршал Рейншильд спросил императора, кого же он называет своими учителями.

– Вас, господи! – ответил царь.

– В таком случае ваше величество очень неблагодарны, поступив так дурно со своими учителями, – ответил Рейншильд.

Довольный остроумным ответом, Петр Алексеевич немедленно велел возвратить фельдмаршалу его шпагу.

* * *

Во время Шведской войны зимой в Петербурге на Неве ставились посты по дороге с Выборгской стороны к Московской. Часовым было приказано после вечерней зари не пропускать никого ни в Петербург, ни из Петербурга. Однажды Петр Великий был в театре на Литейном, недалеко от дома его кумы, генеральши Настасьи Васильевны Бобрищевой-Пушкиной. Она тоже была в театре и просила государя приехать к ней после представления на ужин. После спектакля Петр незаметно вышел из театра и с одним денщиком, в маленьких санях, заехал со стороны Охты к куме. Подъехав к часовому, стоявшему близ Литейного двора с Московской стороны, и назвавшись петербургским купцом, запоздавшим на Охте, царь попросил его пропустить.

– Не велено пропускать, – отвечал часовой. – Поезжай назад!

Тогда государь предложил солдату рубль. Тот не пускает. Царь продолжал торговаться, доведя взятку до десяти рублей. Часовой, которому надоело упорство «купца», сказал:

– Послушай, я вижу, что ты человек добрый; пожалуйста, поезжай назад; буде же еще станешь упорствовать, то мне придется тебя застрелить или сдать на гауптвахту как шпиона.

Тогда государь поехал к часовому, стоявшему с Выборгской стороны, и снова, сказавшись купцом, просил пропустить. С этим часовым удалось стовориться за два рубля. И все бы хорошо, но, пробираясь по Неве к дому Бобрищевой-Пушкиной, государь попал в полынью и едва выбрался из нее с помощью денщика. Петр приехал к куме весь мокрый и замерзший.

– И зачем, батюшка, – пеняла государю хозяйка, – самому тебе так трудиться? Разве не мог ты послать для осмотра караулов кого-нибудь другого?

– Если есть возможность измены, кто же лучше испытает часовых, чем я сам? – отвечал Петр.

На другой день состоялся приказ по полку: часового-изменника сослать на каторгу, привязав ему на шею два просверленных рубля, а добросовестного часового произвести в капралы и пожаловать десятью рублями, предложенными ему накануне.

* * *

Кум и денщик Петра Великого Афанасий Данилович Татищев однажды чем-то сильно прогневал государя. Царь велел наказать его батогами перед окнами своего дворца. Виновный должен был сам явиться к подготовленной экзекуторской команде. Но Татищев медлил идти, надеясь, что гнев государя пройдет. Вдруг ему встретился царский писарь, некто Замятин. У Татищева возникла блестящая мысль – поставить вместо себя Замятина.

– Куда это ты запропастился? – сказал он ему. – Государь тебя уже несколько раз спрашивал и страшно на тебя гневается. Мне велено тебя сыскать. Пойдем скорее! – И повел его к барабанщикам.

В это время государь взглянул в окно и, увидев Татищева среди солдат, повелел: «раздевайте» – и пошел прочь по своим делам.

Неизвестный художник. Портрет Петра I

Татищев, обрадовавшись, закричал солдатам, указывая на Замятина:

– Что ж вы стали? Принимайтесь!

Беднягу раздели, положили и принялись исполнять приказание. Скоро Петру стало жаль Татищева. Выглянув из окна, он закричал:

– Полно! – и поехал в Адмиралтейство.

А Татищев между тем отправился к Екатерине и бросился ей в ноги.

– Помилуй, матушка, государыня! Заступи и спаси. Петр Алексеевич велел меня высечь, а высекли не меня, а подьячего Замятина.

– Как Замятина? – спросила удивленно государыня.

– Так, Замятина! Я, грешник, вместо себя подвел его.

– Что ты это наделал! Государь наверняка узнает про твой обман – он тебя засечет.

– О том-то я тебя и молю, всемилостивейшая государыня! Вступишь за меня и отврати гнев его, – взмолился Татищев, честно рассказав, как было дело.

Государыня, пожурив его, все же обещалась похлопотать. К счастью, государь приехал с работ очень веселый. За обедом Екатерина заговорила о Татищеве и просила простить его.

– Дело уже кончено. Он наказан, и гневу моему конец, – сказал Петр.

Но Екатерина не отступала: дело в том, что если Петр Великий говорил кому-нибудь: «Бог тебя простит», – то этим уже всё забывалось, будто ничего и не было. Этих-то слов и добивалась государыня.

– Да отвяжись, пожалуйста, от меня! – сказал, наконец, царь. – Надоело, Бог его простит.

Едва были произнесены эти слова, как откуда ни возьмись явился Татищев и бросился в ноги Петру, который подтвердил свое прощение. Тогда Татищев признался, что сечен был не он, а Замятин, и все бы ничего, но в заключение плут прибавил:

– И ничего ему не сделалось, подьячему-крючку.

Шутка эта, однако, не понравилась государю.

– Я тебе сейчас покажу, как надобно поступать с такими хитрецами, как ты! – сказал государь, берясь за дубинку. Но тут Екатерина напонила, что он уже именем Божиим простил виновного.

– Ну, быть так, – сказал государь, останавливаясь, и приказал рассказать, как было дело. Татищев чистосердечно, не утаивая ничего, все рассказал. Призвали Замятина, и он подтвердил, что это правда.

– Ну, брат, – сказал государь Замятину, – прости меня, пожалуйста! Мне тебя очень жаль, а что делать? Пеняй на плута Татищева. Однако ж я сего не забуду и зачту побои тебе вперед.

Впоследствии Петру Великому пришлось сдержать свое слово. Замятин попался в каком-то преступлении, за которое следовало жестокое наказание; но царь решил так, что-де подсудимый и заслуживает казни, но так как он некогда понес наказание, то и зачесть ему оное за нынешнее преступление.

* * *

Петр Великий, будучи всего десяти лет от роду, составил в Москве из дворян регулярную роту, которую назвал потешною, в которой сам служил сначала барабанщиком, а затем, когда ему исполнилось двенадцать, простым солдатом. В это время кораблестроение и мореплавание сделались любимым занятием Петра Великого. Монарх служил во флоте и в строевых сухопутных полках наравне со своими подданными, начиная с низких чинов. В морской службе царь дошел до звания контр-адмирала. Однажды на флоте освободилось место вице-адмирала. Контр-адмирал Петр Алексеевич, как положено, подал в адмиралтейскую коллегия просьбу, в которой описал свою прежнюю службу и просил назначения на освободившееся место. Однако коллегия после внимательного рассмотрения дела отдала свободную вакансию другому контр-адмиралу, который прослужил дольше Петра Алексеевича и имел более случаев отличиться. Петр Великий к этому вердикту отнесся так:

– Члены коллегии судили справедливо и поступили, как должно. Если бы они были так подлы, что из искательства предпочли бы меня моему товарищу, то не остались бы без наказания.

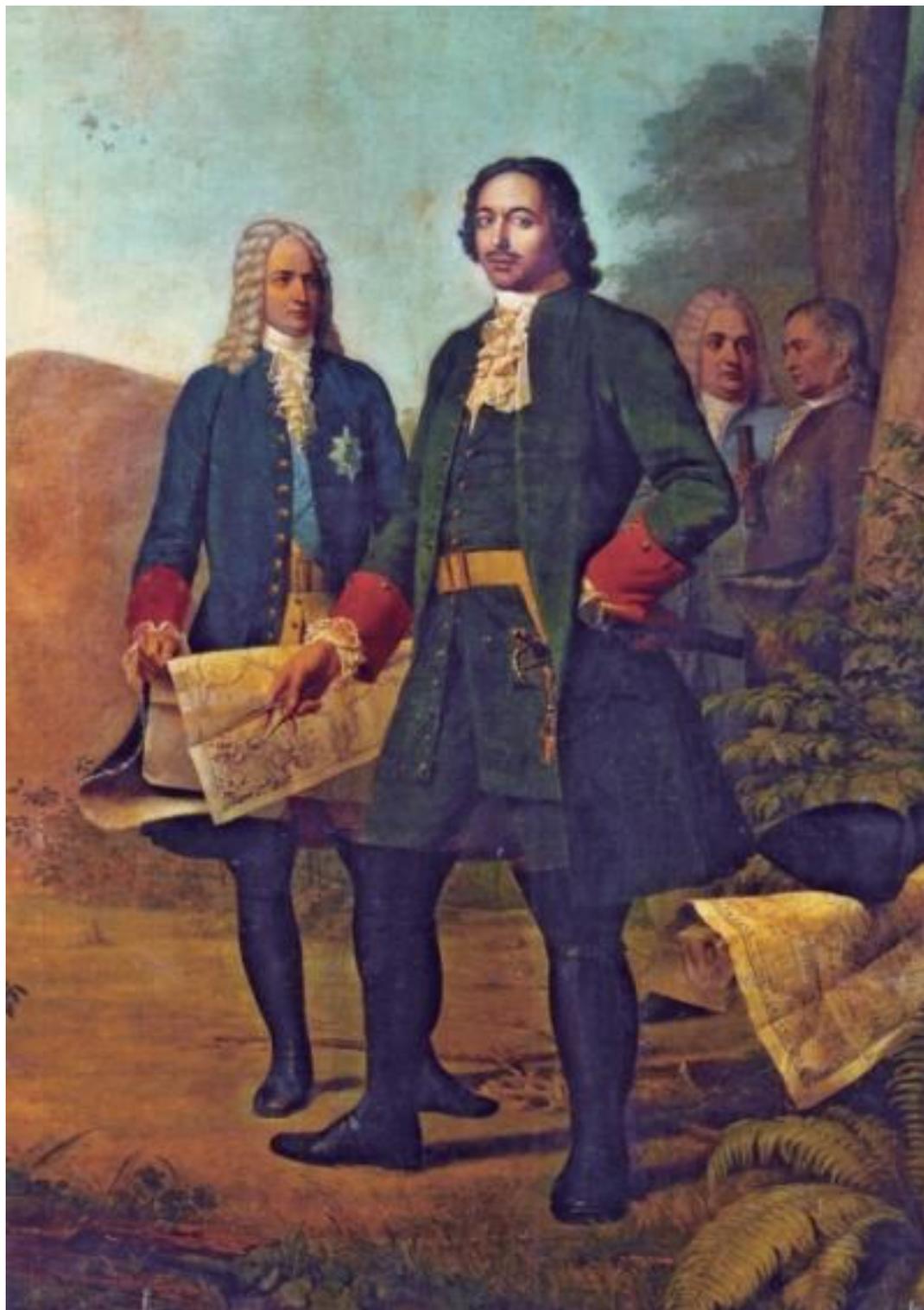
* * *

Князь Федор Юрьевич Ромодановский, известный под прозвищем Князя-Кесаря, заведовал Преображенской тюрьмой. Его жестокий нрав изумлял самого Петра, но при этом каким-

то странным образом князь Ромодановский был набожен и из святых особо почитал Николая угодника. Раз, накануне Николина дня, один колодник, содержащийся в тюрьме и приговоренный за убийство к смерти, объявил, что имеет сообщить князю нечто очень важное. Ромодановский велел привести к себе арестанта. Тот бросился в ноги князю и стал просить, чтобы его отпустили в деревню к родным – провести с ними последний раз праздник и проститься, так как, вероятно, его скоро казнят. Князь удивился такой неслыханной дерзости.

– Да как ты смеешь просить об этом, злодей! – закричал, наконец, князь, придя в себя от изумления.

– Помилуй, отец мой! Святой Никола чудотворец воздаст тебе за это сторицею.

Венецианов А. Г. Основание Петербурга (фрагмент)

– Кто же будет за тебя порукою? – спросил уже смягчившись, князь Ромодановский.

– Сам святой угодник. Он не попустит мне солгать.

Начальник тюрьмы подумал-подумал и отпустил арестанта в деревню, заставив его поклясться в том, что он непременно вернется. У князя хватало недоброжелателей, которые тотчас же донесли об этом происшествии Петру. Государь вызвал к себе князя и строго спросил:

– Правда ли, что ты отпустил разбойника?

– Отпустил, ваше величество, но только на пять дней, чтобы он простился с родными.
– Да как же ты мог это сделать и поверить злодею, что он вернется?
– Он дал мне в том порукою великого угодника Божия, который не попустит ему солгать.
– Но когда он мог убить человека, то что стоит ему солгать святому, тем более что он уличен в убийстве и знает, что его ждет смерть?

Но князь, однако, настаивал, что верит злодею.

– Ну, дядя, смотри, чтоб не отвечать за него тебе, если он не будет в срок, – сказал государь.

В назначенный день преступник явился в тюрьму, благодарил князя и сказал, что теперь готов с радостью принять заслуженную казнь. Обрадованный князь поехал к государю и доложил об этом. Петр удивился и потребовал к себе арестанта.

– Знаешь ли ты, что за убийство, совершенное тобою, ты должен быть казнен?

– Ведаю, царь.

– Как же, ведая, возвратился ты на верную смерть?

– Я дал в том порукою святого чудотворца Николая. К тому же я заслужил смертную казнь и приготовился к ней покаянием. Да если б я и вздумал бежать, то святой Николай не попустил бы мне того, и я рано или поздно был бы пойман и еще большую потерпел бы муку.

Петр всегда оказывал снисхождение, когда видел чистосердечное раскаяние, и прощал всех, кроме убийц; но на этот раз он так был тронут, что приказал заменить смертную казнь для этого преступника солдатскою службою в одном из сибирских полков.

* * *

Когда у Петра I родился наследник, он немедленно послал своего генерал-адъютанта в крепость к обер-коменданту с приказанием возвестить народу эту радостную весть пушечными выстрелами. Обер-комендант бросился исполнять приказание, но был остановлен часовым-новобранцем, которому было приказано никого не пускать в крепость после вечерней зари.

– Меня царь послал за важным делом, – убеждал солдата обер-комендант.

– Ничего не знаю, а знаю только одно, что не велено никого пускать, а не отойдешь – я тебя застрелю.

Делать нечего: генерал-адъютант вернулся и доложил Петру о своей неудаче.

Услышав эту историю, государь лично, как был в простом кафтане, без всяких отличий, отправился в крепость. Но и ему путь преградил неумолимый часовой.

– Господин часовой,пусти меня, – просит его царь.

– Не пушу.

– Я тебя прошу.

– Не пушу и не проси.

– Я приказываю.

– А я не слушаю.

– Да ты что, не узнаешь меня?

– Нет, не узнаю.

– Я государь твой!

– Не знаю, а я знаю то одно, что он же приказал никого не пускать.

– Да мне нужда есть.

– Ничего я слышать не хочу.

– Бог даровал мне сына, и я спешу обрадовать народ пушечными выстрелами.

– Наследника? Полно, правда ли?

– Правда, правда!

– Ну, коли так, то пусть хоть расстреляют! Иди и сегодня же обрадуй народ сею вестью! Государь приказал коменданту сто одним выстрелом известить столицу о рождении сына; затем поспешил в собор, где поблагодарил Бога за милость. Но не забыл царь и честного солдата: он пожаловал его сержантом и десятью рублями.

* * *

Однажды Петр Алексеевич, вытачивая человеческую фигуру на токарном станке, спросил своего механика Андрея Нартова:

– Ну, каково я точу?

– Хорошо, – отвечал Нартов.

– Таково-то, Андрей! Кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиной упрямец.

* * *

22 июня 1715 года Петр I прибыл на галерах в Гапсаль. Осмотрев город, государь через Линден и Падис направился в Ревель. По пути он послал объявить дворянину Рамму, что будет обедать у него. Строптивый дворянин ответил, что не желает этого посещения, но царь не смутился, все равно прибыл к нему, собственноручно наказал дворянина за гордость своею тростью и не забыл вкусно пообедать. За трапезой царь так очаровал приглашенного им к столу побитого хозяина, что при прощании Рамм просил подарить ему бившую его царскую трость. Говорят, что вещественный документ этот и сейчас еще хранится у потомков Рамма.

Неизвестный художник. Портрет Петра I

* * *

Петр Великий покровительствовал Ивану Михайловичу Головину и послал его в Венецию учиться кораблестроению и итальянскому языку. Головин прожил в Италии четыре года. По прошествии этого времени Петр Великий, желая проверить, чему выучился Головин, взял его с собою в адмиралтейство, повел его в мастерские и задавал ему вопросы. Оказалось, что Головин ничего не знает. Наконец, рассерженный государь спросил:

– Морского дела ты не знаешь. Выучился ли ты хотя бы по-итальянски?
Головин признался, что и здесь не преуспел.

– Так что же ты делал?

– Всемилостивейший государь! Я курил табак, пил вино, веселился, учился играть на «музыке» и редко выходил со двора, – честно ответил Головин.

Государь был скор на расправу, но такая откровенность очень ему понравилась. Он велел нарисовать памятную картину, где Головин сидит за столом с трубкою в зубах, окруженный разбросанными музыкальными инструментами.

* * *

Однажды Петр Алексеевич решил, по корабельному обычаю, купать в волнах Каспийского моря тех, кто был впервые на этих водах. Государь сам первым подал пример и спрыгнул за борт. За ним последовал адмирал и прочие, хотя отнюдь не всем эта затея нравилась. Особенно боялся Иван Михайлович Головин, которого Петр обыкновенно называл адмиралтейским басом за его любовь к игре на музыкальных инструментах. Государь стал сам его спускать за борт со словами:

– Опускается бас похлевать каспийский квас!

* * *

Некий отставной мичман, будучи еще ребенком, был представлен Петру в числе присланных на службу дворян. Царь положил мальчику руку на голову, взглянул ему в лицо и сказал:

– Этот плох. Однако записать его во флот. До мичманов, авось, дослужится.

Позже старик любил рассказывать этот случай и всегда прибавлял:

– Таков был царь-пророк, все так и было, в мичманы-то я попал, но только при отставке!

* * *

Петр Алексеевич хорошо разбирался в людях и был очень проницательным. Когда Петру представили двенадцатилетнего школьника Василия Тредьяковского, он, быстро взглянув на него, молвил:

– Будет вечный труженик!

Биографы Тредьяковского часто вспоминают это пророчество.

* * *

Неблагодарных людей Петр Великий не любил и говаривал о них так: «Неблагодарный есть человек без совести, ему верить не должно. Лучше явный враг, нежели подлый льстец и лицемер: такой безобразит человечество».

* * *

Однажды стольник Желябужский совершил преступление, за что военный суд приговорил его к публичному наказанию и ссылке. Этот приговор был утвержден государем Петром Алексеевичем. Сын провинившегося стольника, узнав о таком приговоре, дождался выхода царя из дворца, пал к стопам его и со слезами взмолился:

– Надежа-государь! Не дерзаю умолять тебя, меньше же негодовать на приговор, учиненный судом отцу моему, зная, что оный правосуден, а прошу только из единого милосердия твоего: преступление отца и заслуженное им наказание перенести на меня. Он, при старости и слабости своей, наказания такого перенести не может, а я по молодости и крепости моей удобно снесу и заплачу тем за рождение свое. И таким образом, без нарушения правосудия твоего, спасу и мать мою, которая не может перенести столь горестного лишения мужа; малолетних же братьев и сестер избавлю от несносного сиротства и бесчестья всего нашего рода.

Сыновья любовь тронула сердце государя. Он поднял юного просителя и, поцеловав, сказал:

– За рождение такого сына, как ты, прощаю твоего отца и возвращаю его семейству, а тебя жалую чином и местом его, надеясь, что исполнишь должность лучше, нежели отец твой.

Амигони Я. Петр I с Минервой

* * *

В начале турецкой войны молдавский господарь, князь Кантемир, отдался под покровительство Петра Великого. При заключении мира с турками Петру передали, что визирь требует выдачи Кантемира. На это царь отвечал:

– Я лучше уступлю туркам землю до самого Курска, нежели соглашусь на это. Мне тогда еще останется надежда отданное опять завоевать; но не сдержать данного слова, значит – наве-

гда потерять веру и верность. Мы имеем свою собственностью одну только честь; отречься от нее – то же, что перестать быть государем.

* * *

В 1700 году Петр I с Меншиковым собирались с новонабранным войском идти из Новгорода к Нарве, чтобы продолжать осаду этого города. В это время пришло известие о крупном поражении русской армии при Нарве, с потерей артиллерии и со взятием в плен многих генералов и полковников. Петр, мужественно выдержав эту новость, произнес:

– Я знаю, что шведы нас еще несколько раз побеждать будут; но, наконец, научимся сим побивать их и мы.

* * *

Однажды, после лечения в Карлсбаде, Петр I проезжал через славящийся своими минеральными источниками город Теплиц. Владелец источников граф Вальдек пригласил Петра посетить его замок. Император принял приглашение и был встречен роскошным и продолжительным обедом. Во время торжественной трапезы Петр, известный своей простотой нравов, откровенно заскучал. После обеда ему предложили осмотреть замок. Петр с большим интересом обошел владения. Хозяин поинтересовался, как императору понравился его замок. Петр ответил, что замок хорош, но в нем есть один существенный недостаток – слишком много место занимает кухня.

* * *

Из зарубежной поездки Петр I привез внушительную коллекцию старых голландских мастеров: Ван Дейка, Рубенса, Рембрандта и других. Собрать ее помог государю художник и искусствовед Кселя. Желая иметь и у себя в отечестве достойных художников, Петр повелел послать для совершенствования в Италию Ивана Никитича Никитина, который раньше учился живописи в Петербурге. Тот три года проучился в Венеции и Флоренции и вернулся в Петербург, привезя с собой несколько своих «итальянских» картин. Петр I, узнав о возвращении Никитина на родину, пришел к нему в мастерскую:

– Ну, Никитин, что пишешь?

– Ничего больше не буду писать, государь.

– Это отчего же?

– Ничего не продается. Никто и рубля не дает за картины, – ответил Никитин. Петр подумал и сказал:

– А ты приходи-ка завтра на ассамблею к Меншикову да прихвати с собой все, что захочешь продать.

Назавтра по приказу царя один из шутов устроил аукцион, но, несмотря на все усилия, за первые восемь картин удалось выручить всего сорок девять рублей. Девятой, предпоследней картиной оказалась «Рождественская ночь» – которую Никитин скопировал с известного полотна Корреджо. Самую большую цену за нее дал богатый петербургский подрядчик Семен Степанович Крюков, который в то время взял подряд на строительство одного из столичных каналов. Но тут в торги вступил Петр, каждый раз перебивая цену Крюкова. Когда цена дошла до пяти тысяч, Петр сдался и уступил картину Крюкову. Видя заинтересованность государя, Головин, Апраксин и Меншиков попытались продолжить торговаться, но Петр сказал:

– А на вас, господа, много казенных недоимок. И лучше внесите-ка вы эти тысячи в казну.

А Крюкову Петр сказал:

– Спасибо, брат Семен. Из любви ко мне ты сделал то, что за границей делают из любви к искусству. Со временем то же будет и у нас, в России. А я тебя не забуду и велю твоим именем назвать тот канал, что ты прорыл.

Так в Петербурге появился Крюков канал, сохранивший свое название до наших дней.

* * *

В сражениях под Нарвой русские войска одержали победу, но потеряли множество пушек. В то время Петр I был в Новгороде, наблюдая приготовления к обороне от шведов. Однажды государь заприметил посадского, который долгое время ходил под окнами дома, где остановился царь. Петр Алексеевич послал боярина узнать, что нужно этому подозрительному человеку. Боярин вернулся и доложил, мол, посадский хочет помочь государеву горю. Царь велел привести нежданного «помощника».

Неизвестный художник. Беседа Петра I в Голландии (фрагмент)

– Какие у тебя ко мне дела? – спрашивает царь посадского. – Только говори короче.
– Всемиловейший государь, – говорит посадский, – хочу помочь твоей беде. Знаю, потерял ты пушечный наряд и гадаешь, где достать медь на литье новых пушек.
– Правда, – сказал царь.
– Всемиловейший государь, пропился я и задолжал, вели поднести чарку вина. Удивился царь такой деятельности, но заинтересовался и велел поднести пропойце чарку. Выпил посадский, да, видать, еще больше осмелел:

- Вели, государь, дать еще чарку, тогда уж скажу!
- Томишь! – рассердился царь. – Плесните ему еще чарку!

Выпил посадский и говорит:

– Слушай, государь: на колокольнях медных колоколов за сотни лет наакопилось. Коли швед придет, он все те колокола снимет да увезет – так он в лихое время уже здесь делал. Снимем-ка, царь, колокола сами, отольем пушки, врага одолеем: Бог сильных любит, а когда возьмем у шведа пушки, Богу колокола вернем.

Так царь и сделал.

* * *

Турецкий султан как-то хвастал перед Петром I, что у его армии несметная сила. Чтобы продемонстрировать эту силу, султан достал из кармана шаровар пригоршню мака:

- Попробуй-ка, сосчитай, сколько у меня войска.

Петр в ответ пошарил у себя в пустом кармане, достает одно-единственное зернышко перцу и говорит:

- Мое войско не велико, но попробуй раскуси-ка, узнаешь, каково против мака твоего.

* * *

Петр I не любил носить нового платья, считая его неудобным. Будучи в Париже, царь все-таки решил одеться по французской моде, однако выдержал недолго и явился к королевскому двору в своем потрепанном коротком сером кафтане без галунов, в манишке без манжет, в шляпе без перьев и черной кожаной португее через плечо. Костюм русского монарха так поразили французов, что они назвали его «нарядом дикаря».

* * *

Петр I часто обедал в доме у своего повара Фильтена с кем-либо из приближенных и всегда платил за обед червонец. Его спутникам ничего не оставалось, как, подражая царю, тоже платить за обед по червонцу каждый. Так государь помогал Фильтену, у которого была большая семья.

* * *

Однажды Петр I лечился на минеральных источниках в Олонце. Видя, что лечение идет медленно, монарх сказал одному из сопровождавших его врачей:

- Врачую тело водами, а подданных собственными примерами. И в том и в другом вижу исцеление весьма медленное, однако же, полагаясь на Бога, уповаю на то, что все решит время.

* * *

Однажды Петр I приехал на железодельный и чугунолитейный завод Вернера Миллера. Там он поступил в ученики к мастерам кузнечного дела. Вскоре государь уже хорошо стал ковать железо и в последний день своей учебы вытянул восемнадцать пудовых полос железа, пометив каждую полосу своим личным клеймом. Окончив работу, царь снял кожаный фартук и пошел к заводчику.

- А что, Миллер, сколько получает у тебя кузнец за пуд поштучно вытянутых полос?

– По алтыну с пуда, государь.

– Так заплати мне восемнадцать алтын, – сказал царь, отчитавшись перед заводчиком за сделанную работу.

Миллер открыл конторку и вынул оттуда восемнадцать золотых червонцев. Но Петр от золота отказался и попросил заплатить ему именно восемнадцать алтын – 54 копейки, как и прочим кузнецам, сделавшим такую же работу. Получив свой заработок, Петр купил себе новые башмаки и потом, показывая их своим гостям, говорил:

– Вот башмаки, которые я заработал своими собственными руками.

Одна из откованных им полос демонстрировалась на Политехнической выставке в Москве в 1872 году.

Белли А. Портрет Петра I

* * *

Петр I очень любил Меншикова. Но при этом частенько поколачивал светлейшего князя палкой. Однажды государь особенно осерчал на Меншикова, отходил его палкой и выгнал со словами:

– Ступай вон, щучий сын, и чтоб ноги твоей у меня больше не было!

Меншиков, не смея послушаться, исчез, но через минуту снова вошел в кабинет... на руках!

* * *

Петр I терпеть не мог льстецов и всегда просил говорить о нем самом правду, какой бы горькой она ни была. Однажды в Москве государю подали жалобу на судей-взяточников. Царь очень рассердился и потребовал решительно искоренить коррупцию. При этом оказавшийся возле Петра генерал-лейтенант Иван Иванович Бутурлин сказал ему:

– Ты, государь, гневаешься на взяточников, но ведь пока сам не перестанешь их брать, то никогда не истребишь этот порок в своих подданных. Твой пример действует на них сильнее всех твоих указов об истреблении взяток.

– Что ты мелешь! – возмутился Петр. – Разве я беру взятки? Как ты смеешь возводить на меня такую напраслину?

– Это правда, государь, – возразил Петр Бутурлин. – Вот изволь послушать историю. Только что я с тобой, государь, проезжал через Тверь. Я остановился на ночлег в доме у знакомого купца. Купец был в отъезде. Дома оставалась его жена с детьми. В этот день у купчихи были именины, и она пригласила к себе гостей. Только мы сели за стол – приходит староста из магистрата и говорит, что городской магистрат определил собрать со всех горожан деньги на подарок тебе, государь. У купчихи требовали сто рублей, она просила подождать до утра, пока вернется ее муж. Но староста ждать не соглашался, поэтому мне пришлось дать за купчиху сто рублей. А гости тоже разбежались по домам за деньгами. Вот они какие добровольные тебе, государь, подарки. Так можешь ли ты от подданных своих требовать, чтоб не брали они ни взяток, ни подарков?

– Спасибо тебе, Бутурлин, что вразумил меня, – ответил Петр и тут же приказал все ранее поднесенные ему подарки возвратить, а впредь категорически воспретил дарить ему что-либо, будь то подношения от частного лица, корпорации или города.

* * *

Однажды бедная вдова одного заслуженного чиновника долго ходила в Коллегию и в Сенат с просьбой о назначении ей пенсии за службу ее мужа, но никак не могла добиться решения своего дела – несчастную женщину все время просили прийти завтра.

Шут Балакирев решил ей помочь и на другой же день нарядил ее в черное платье, прикрепил к нему бумажки с надписью «приди завтра». В таком виде он велел вдове стоять в сенях, через которые должен был проходить Петр. Увидев такую странную женщину, монарх, естественно, заинтересовался, что это значит.

– Завтра узнаете, ваше величество, – сказал тут же появившийся Балакирев.

– Я желаю знать сегодня, а не завтра.

– Это невозможно, государь. Приди в Сенат да спроси, государь, секретаря, и если он не скажет тебе приходить завтра, тогда узнаешь сегодня.

Император догадался, в чем дело, отправился в Сенат и допросил секретаря о вдове. Секретарь признался, что она уже давно ходит в Сенат, но он так и не нашел времени доложить начальству про ее дело.

Государь распорядился отдать вдове все годовое жалование секретаря. После этого происшествия в Сенате и в Коллегии долго еще остерегались говорить «приходи завтра».

* * *

Петр Первый, будучи в английском городе Спитхед, захотел увидеть, что это за наказание «килевание», которому подвергают провинившихся матросов. К сожалению государя, в порту в этот момент не нашлось никого, кто заслужил бы подобного наказания.

– Не беда, возьмите кого-нибудь из моих людей, – предложил Петр британцам.

– Государь, – возразили ему, – ваши люди находятся на территории Англии – следовательно, под защитой закона.

* * *

Однажды царь Петр Алексеевич ехал из Москвы в северные земли. Проезжая Тверь, царю подумалось: хорошо бы мост построить через Волгу. Тут же был вызван местный градоначальник, которому была поставлена задача построить мост к тому времени, как государь поедет назад. Прошло немало времени, едет Петр обратно – моста нет. Вызвали градоначальника, тот сослался на отсутствие средств. Петр деньги выделил и потребовал, чтобы к следующему приезду мост был. Через какое-то время едет снова – а моста как не было, так и нет.

– В чем дело? – спрашивает монах. – Денег не хватило?

Ему отвечают:

– Нет, государь, денег достаточно, вот только ума не хватает.

Рассердился царь и говорит градоначальнику: или завтра будет мост, или прикажу голову отрубить.

В ту же ночь собрали по ближайшей округе материал, согнали людей, и к утру мост стоял. Самое удивительное в этой истории не скорость возведения моста (это дело обычное), а то, что он еще простоял почти двести лет без ремонта.

Серов В. А. Петр I

* * *

Однажды, когда Петр I слушал доклады чиновников, шут Балакирев спросил царя, какая разница между колесом и стряпчим. Петр молчал, ожидая очередную шутку.

– Одно криво, а другое кругло, так то не диво, – продолжал Балакирев, – а то диво, что они как два братца родные на друг друга походят.

– Врешь, нет никакого сходства! – со смехом отвечал Петр.

- Есть, дядюшка, да и самое большое.
- Какое же это?
- И то и другое надобно почаще смазывать...

* * *

Во времена Петра I на месте петербургского Гостиного двора была большая березовая роща, а недалеко расположилась Переведенская слобода, где жили работные люди, приехавшие строить новую столицу. Рубить деревья в роще было строго запрещено, но мужики все равно были вынуждены рубить березу на дрова за неимением другого топлива. Однажды Петр, заметив в роще свежие пни, пришел в ярость и велел немедленно найти виновных и повесить, а воеводу Ивана ФеофилаТЬева, допустившего порубку рощи, бить кнутом и отправить на десять лет в ссылку. ФеофилаТЬева «собрали в дорогу» моментально. И виновных нашли быстро, но вот беда: их оказалось так много, что Петр решил смягчить наказание: государь распорядился «по жребью каждого десятого вешать», а остальных бить батогами. За работных людей тогда вступилась милосердная Екатерина. Виселица была отменена, все провинившиеся отделались батогами.

* * *

Петр I любил окружать себя шутами, не только ради забавы, но и в государственных целях. Шуты говорили царю правду и не стеснялись указывать на злоупотребления. Вельможи часто жаловались Петру на бесцеремонное поведение шутов, на что царь обычно отвечал: «А что я могу с ними сделать? Они же дураки!»

* * *

График государя Петра Алексеевича был очень напряженным. Он уже в 4 утра приходил на заседание совета министров. После заседания царь отправлялся в Адмиралтейство, где не только следил за постройкой судов, но нередко и сам брался за топор. А примерно в одиннадцать часов Петр Великий заходил в «герберг» – трактир на Троицкой площади – и выпивал рюмку анисовой водки. «Пробил адмиральский час», – так называл царь свой короткий отдых.

* * *

Дворец Александра Даниловича Меншикова на Васильевском острове поражал своей роскошью. Здесь принимал Петр I иностранных послов и устраивал праздничные ассамблеи. Однажды рассерженный на Меншикова за казнокрадство и мздоимство, Петр I обязал светлейшего князя выплатить в казну двести тысяч рублей штрафа. Вскоре, перед устройством очередного праздника, государь пришел в гости к своему наказанному любимцу и с удивлением увидел в его дворце самую простую мебель и дешевые обои.

– Я принужден был продать всю обстановку, чтобы оплатить штраф, – объяснил скромность своей обстановки князь.

Петр был очень рассержен:

– В первый приемный день твой, если я найду здесь такую же бедность, не подобающую твоему званию, заставлю тебя заплатить еще двести тысяч!

Петр Алексеевич сдержал обещание: в ближайший приемный день он зашел к Меншикову... увидел прежнюю роскошь и о прошедшем забыл.

* * *

Однажды австрийский канцлер, премьер-министр и главный руководитель австрийской политики при Марии-Терезии Кауниц Венцель Антон в беседе с Екатериной Дашковой сказал:

– Разве вы не считаете, княгиня, что Петр I сблизил Россию с Европой и что ее узнали только со времени Петра I?

– Великая империя, князь, имеющая столь неиссякаемые источники богатства и могущества, как Россия, не нуждается в сближении с кем бы то ни было. Столь грозная масса, как Россия, правильно управляемая, притягивает к себе кого хочет. Если Россия оставалась неизвестной до того времени, о котором вы говорите, ваша светлость, это доказывает только невежество или легкомыслие европейских стран, игнорирующих столь могущественное государство, – ответила княгиня.

Лансере Е. Е. Корабли времен Петра I (фрагмент)

* * *

Федор Иванович Тютчев считал, что «русская история до Петра Первого – сплошная панихида. А после Петра – непрекращающееся уголовное дело».

* * *

По сравнению с другими монархами того времени режим дня и привычки Петра I были весьма скромными. Современники описывали их так: «Петр Великий вставал всегда весьма рано. Зимой вставал он обыкновенно в 4 часа, приказывал подавать себе дела и, позавтракавши немного, в 6 часов ехал в Адмиралтейство и в Сенат. Обедал обыкновенно в час и потом ложился часа на два отдыхать. В 4 часа пополудни приказывал докладывать себе о делах, которые поутру повелевал приготовить. Обыкновенный обед его состоял в немногих и самых простых блюдах, как то: во щах, каше, студене, поросенке со сметаной, холодном жареном с огурцами, или солеными лимонами, солонине, ветчине и Лимбургском сыре.

Пред кушаньем пил он анисовую водку, а за столом квас и хорошее красное французское вино, особливо Эрмитаж, иногда же рюмки две венгерского. Когда он после обеда куда-нибудь выезжал, всегда приказывал брать с собою холодного кушанья, ибо где бы он ни был, любил кушать часто, но не много вдруг».

* * *

Последнее при жизни Петра I наводнение случилось 12 ноября 1724 года Петр деятельно участвовал в спасении терпящих бедствие. В какой-то момент лодка царя, вызволявшего из воды тонущих моряков, перевернулась, и Петр упал в ледяную воду. Царь сильно простудился, это вызвало обострение всех прочих болезней, которыми страдал государь, и через два месяца Петра I не стало. Перед смертью Петр попросил у Екатерины принести ему аспидную доску и нетвердой рукой написал: «Отдайте все...» Но рука не слушалась, и больше Петр ничего написать не смог. Наследников для продолжения его реформаторской деятельности царь не оставил.

* * *

В честь Чесменской победы в 1770 году в Петропавловском соборе служили торжественный молебен. Проповедь на случай говорил митрополит Платон, для большего эффекта призывая Петра I. При этом он сошел с амвона и посохом постучал в гроб Петра, взывая: «Восстань теперь, великий монарх, отечества нашего отец! Восстань теперь и воззри на любезное изобретение свое!»

– Вот дурень, – шепнул граф Разумовский соседу, – а ну як встане, всем нам палкой достанется.

* * *

Петр I очень увлекался медициной. Он с удовольствием присутствовал при хирургических операциях и вскрытии тел, часто вмешиваясь в работу докторов. Со временем царь приобрел кое-какие врачебные навыки, которые смело применял при лечении страждущих. Для этого Петр носил с собой специальный чемоданчик с хирургическими инструментами, который внушал ужас всем окружающим.

* * *

Жена одного голландского купца по фамилии Боршт страдала водянкой. Врачи считали, что единственное средство спасти жизнь несчастной – выпустить ей воду, на что женщина никак не хотела согласиться. Узнав об этом, Петр лично посетил больную и уговорил ее согласиться на процедуру, которую тут же и провел собственноручно. Операция прошла успешно, и уже на следующий день госпожа Боршт почувствовала себя значительно лучше. Правда, вскоре пациентка все-таки скончалась. При этом никто не сомневался, что болезнь была уже так запущена, что у больной все равно не было шансов. Естественно, Петр Алексеевич присутствовал на погребении.

* * *

После погребения жены купца Боршт Петр Великий вместе с петербургскими купцами и голландскими корабельщиками, по обычаю, отправились на поминки. За столом, когда уже все гости изрядно угостились, один молодой голландец в порядке очередности должен был сказать тост в честь государя. Он, держа большой бокал с крышечкой, старался выдумать достойное приветствие, но, судя по выражению его лица, тост у него получался плохо. Наконец, решившись, он налил бокал, встал, отдал крышку сидевшему подле него отцу своему, старому корабельщику, оборотился к его величеству и провозгласил громким голосом:

– Да здравствует государь мой, великий Петр, и с супругою своею госпожою императрицею!

Отцу оратора показалось, что сказано было слишком грубо и нескладно. Он встал с досадою, взял у своего сына бокал и сказал ему:

– Как ты глуп! Можно ли так говорить! Подай мне бокал, я выпью за здоровье государя: ты не умеешь.

Потом, оборотившись к императору, поклонился и произнес с важным видом следующее приветствие:

– Да здравствует его величество, государь мой император Петр, и с превосходительною госпожою императрицею!

Все присутствующие рассмеялись, но Петр, не желая обижать корабельщика, отвечал с благосклонным видом:

– Изрядно сказано, благодарствую.

Ге. Н. Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе

* * *

Камердинеру императора Полубоярову изменяла жена, и он решил отомстить ей за это весьма хитрым образом. Зная о пристрастии Петра I к удалению зубов, камердинер, напустив на себя скучный вид, пожаловался царю, что его дорогая супруга очень мучается от зубной боли. Петр, естественно, тут же отложил все дела, вызвался уговорить больную и лично вырвать ей больной зуб. Они, не медля, явились к жене Полубоярова, у которой все зубы были совер-

шенно здоровы, о чем она и сообщила «доктору». Но Полубояров умолял Петра не верить женщине, которая, дескать, всегда скрывает свой недуг от врачей, а потом мучается от боли. Тогда Петр велел камердинеру крепко держать свою жену и, произведя быстрый осмотр, вырвал зуб, который показался царю больным. Через несколько дней Петр узнал от императрицы о коварстве камердинера и наказал хитреца тростью.

* * *

Правительствующий Сенат неоднократно обнаруживал обманы и злоупотребления князя Меншикова, в частности, аферы в области приобретения провианта и мундиров для армии. Сенат делал князю соответствующие запросы, но тот на эти запросы не отвечал, остерегаясь давать сенаторам какие-либо письменные свидетельства против себя. Тогда сенаторы описали главные и важнейшие пункты, по которым князь Меншиков обвинялся, и положили на стол Петру, где он обычно садился, приходя в Сенат, ничего об этом заранее не сказав. Прибыв в Сенат, Петр сразу заметил бумагу, быстро взглянул на нее и тут же отложил. И так она лежала довольно долго перед государем на одном месте без всяких последствий. Наконец сенаторы решились заговорить с его величеством об этом деле. Сидевший подле государя тайный советник Толстой спросил у его величества, что угодно ему будет сказать о сей бумаге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.